

Курбский надеялся на то, что Псково-Печерский монастырь возьмет на себя инициативу антиправительственного выступления и возглавит церковную оппозицию в России.⁶⁵

Расчеты Курбского, кажется, не были беспочвенны: по некоторым сведениям, через несколько месяцев после бегства Курбского церковная оппозиция, возглавленная самим митрополитом, заявила царю решительный протест против политических репрессий.

По рассказу А. Шлихтинга, когда примерно за полгода до учреждения опричнины, т. е. летом 1564 г., царь приказал казнить князя Д. Овчину-Оболенского, «некоторые знатные лица и вместе верховный священнослужитель сочли нужным для себя вразумить тирана воздерживаться от столь жестокого пролития крови своих подданных невинно без всякой причины и проступка».⁶⁶

Послания Курбского, написанные как в самой России, так и позже, в эмиграции, бесспорно повлияли на развитие политических событий своего времени. Недаром, и Курбский, и его идейный противник Грозный, как справедливо отметил Я. С. Лурье, предназначали свои послания для «всего Российского царства».⁶⁷

Второе послание Курбского в Псково-Печерский монастырь интересно как едва ли не единственный документ, открыто излагавший политическую программу княжеско-боярской оппозиции в России накануне опричнины. Особенностью этой программы были резкие нападки на действия «державного» царя Ивана IV и его правительства («властелей»), обвинявшихся во всех бедах, постигших Русское царство: произволе и беззаконии в судах, оскудении дворянства, притеснениях «купеческого» чина и земледельцев. «О нерадении же державы, — писал Курбский, — и кривине суда и о несытстве граблений чюжих имени ни изрещи риторскими языки сея днешняя беды возможно».⁶⁸

Мрачными красками Курбский рисует картину полного упадка и оскудения дворянства: «Воинской же чин строев ныне хуеишии строев обретеся, яко многим не имети не токмо коней, ко бранем уготовленых, или оружия ратных, но и дневных пищи, их же недостатки и убожества и бед их смущения всяко словество превзыде».⁶⁹

⁶⁵ Н. Андреев категорически отвергает мнение Я. С. Лурье, будто Курбский в своем втором послании энергично побуждал старцев Псково-Печерского монастыря «претить» (возражать) «царю или властелям о законопреступных». Он пишет: «Мнение Лурье, что послания Курбского в Россию, в которых он не только не колебался компрометирует старцев монастыря, которые были подданными великого князя, но и энергично поощряет их сделать представление царю и тем, кто находится под его властью, если они будут нарушать законы, — что эти письма были частью пропагандистской кампании, проводимой Курбским вместе с другими эмигрантами в пределах Московии, — это предположение неуместно и необосновано и скорее это идея XX в., нежели XVI в.» (N. Andreyev, Kurbsky's Letters..., стр. 417). Однако Н. Андреев не подкрепляет свой резкий упрек какими-нибудь фактическими доказательствами. Не разделяя предположения Я. С. Лурье, будто второе послание было написано Курбским в эмиграции, мы полностью поддерживаем его вывод о том, что послание писалось с целью побудить власти влиятельного Псково-Печерского монастыря к протесту против «законопреступлений» царя.

⁶⁶ А. Шлихтинг. Новое известие о России времени Ивана Грозного. Л., 1934, стр. 17—18. Лифляндский дворянин А. Шлихтинг попал в плен к русским в конце 1564 г. Позже он состоял слугой и переводчиком при А. Лензее, личном враче Грозного (см. «Введение» А. Малеина к «Новому известию о России» А. Шлихтинга, стр. 4). Общая осведомленность Шлихтинга не подлежит сомнению.

⁶⁷ Я. С. Лурье. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV, стр. 473.

⁶⁸ РИБ, т. XXXI, стр. 395.

⁶⁹ Там же, стр. 398.